

УДК 658:330.34(145)

Шедяков В.Е.доктор социологических наук,
кандидат экономических наук,
независимый исследователь

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ

В статье рассматривается социально-экономический аспект переходного периода между отчётливыми историческими эпохами. Изучаются процессы и противоречия, характеризующие время форсированных трансформаций. Особенности перемен анализируются в контексте соотношения сущности, содержания и форм. Специальное внимание уделяется механизму превращённых форм.

Ключевые слова: переходной период, противоречие, конфликт, антагонизм, переходные формы, превращённые формы.

Шедяков В.С. ПЕРЕХІДНИЙ ПЕРІОД: СУТНІСТЬ, ВМІСТ, ФОРМИ

У статті розглядається соціально-економічний аспект перехідного періоду між виразними історичними епохами. Вивчаються процеси та протиріччя, які характеризують час форсованих трансформацій. Особливості змін аналізуються в контексті співвідношення сутності, вмісту та форм. Спеціальна увага приділяється механізму перетворених форм.

Ключові слова: перехідний період, протиріччя, конфлікт, антагонізм, перехідні форми, перетворені форми.

Shedyakov V.E. A TRANSITION PERIOD: ESSENCE, CONTENT, FORMS

In the article the socio-economic aspect of the transition period between distinct historical epochs is considered. Processes and contradictions characterizing the period of forced transformations are studied. The features of changes are analysed in the context of the relationship of essence, content and forms. Special attention is paid to the mechanism of transformed forms.

Keywords: transition period, contradiction, conflict, antagonism, transitional forms, transformed forms.

«На переломе истории ужасно неуютно: сквозит, пахнет, тревожно, страшно, ненадёжно, но с другой стороны - счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые. ... Что это такое, собственно, - перелом истории? Когда на перекрестках стоят броневики и чадят костры, на которых догорают старые истины, - это уже не перелом истории, это уже началась новая история. А перелом - это производная по времени. Говорят, сердечники реагируют не на плохую погоду, а на изменение хорошей. Вокруг ещё солнышко сияет..., но давление начало меняться, и сердечник хватается за сердце. Может быть, и с историей так же?»

(Аркадий и Борис Стругацкие

«Отягощённые злом, или Сорок лет спустя»)

Постановка проблемы. Завершение эпохи, уже внёсшей свою лепту во всемирную историю, неминуемо предполагает обострение противоречия не только между прошлым и будущим, но и между вариациями самого будущего, что и становится стержневым содержанием специальной фазы трансформаций. Именно от преобразований в её рамках во многом зависит направленность и уровень, соотношение элементов прогресса и регресса, конечный вектор и темпы последующих изменений. Вместе с тем, во времена концентрированных изменений жить приходится по новым, не до конца сформулированным и понятным правилам. При этом снижаются возможности продуктивно опираться на десятилетиями накопленную мудрость и апробированные рекомендации. Эта ситуация подталкивает к поиску концептуальных решений социетального масштаба, систематизирования нового опыта, сочетания элементов научной новизны и явной прикладной направленности. Соответственно, представляется вполне естественным, что для повышения качества научных исследований, прогнозирования и создания конструктивных рекомендаций происходящие глубинные перемены заново возвращают к диалектике содержания и форм: предметно-вещественных и общественных – социально-экономических трендов, требуют нового прочтения путей методологической оптимизации, раскрытия соотношения сущности и видимости хозяйственных феноменов, поисков социокультурных оснований экзогенного экономического развития.

Анализ исследований и публикаций по проблеме. Теоретико-методологическими основаниями исследо-

вания являются, прежде всего, разработки А.И. Аврьянова, А.С. Ахизера, С.С. Батенина, М.М. Бахтина, Ю.М. Бородая, Ф. Броделя, А.В. Бузгалина, И. Валлерстайна, Г.Г. Водолазова, В.С. Выгодского, М.Я. Гефтера, Г. Гиргинова, В.И. Дрожжинова, А.Н. Ермоленко, П.С. Ещенко, М.В. Захаровой, В.А. Звиглянича, А.А. Зиновьева, Э.В. Ильенкова, В.В. Кизимы, Ф.В. Константинова, М. Корнфорта, Т.Куна, Дж. Курта, М.С. Лангштейна, А.Я. Левина, В.А. Лекторского, М.К. Мамардашвили, С.Н. Мареева, Б.В. Межуева, М.П. Мчедлова, Т.И. Ойзермана, А.В. Павлова, В.И. Панибратова, В. Парето, С.П. Первушина, А. Печей, Ю.К. Плетникова, Е.Г. Плимака, Н.Л. Поляковой, Г.С. Померанца, Я.А. Пономарёва, К.Ю. Райды, В.Н. Сагатовского, Т. Сакайи, Л.Н. Сергеевой, Ж.Э. Сореля, Ю.А. Тихомирова, В.И. Толстых, Й. Хейзинги, В.П. Фофанова, Ж. Эллюля. Богатые научные идеи: прежде всего, применительно к особенностям азиатского способа производства, природы цены, товара рабочая сила и т.п., а также развития общества как целого – оставил К. Маркс.

Формулирование целей статьи. Всемирная история выработала некоторые не вполне очевидные закономерности течения процессов исторического масштаба, в которые мы вступили. Причём в существенной степени, по общему правилу, знание их характера может с лихвой компенсировать отсутствие полноты частной информации. Вместе с тем, мы живём в период кардинальных трансформаций общества, всей ойкумены, перехода в иное качество – что дарует шанс подняться в осознании некоторых

закономерностей мира, уточнить представления о своём месте и возможностях. По известному мнению, «только в так называемых переходных эпохах можно опытному уху подслушать таинственный рост истории» [1, с. 315]. В этой ситуации основной задачей статьи и является фиксация этапа в изучении особенностей переходного периода применительно к балансу его сущности, содержания и форм.

Изложение основного материала исследования.

Тенденции изменений общественных целостностей знают эпохи и моменты перехода на стыке между ними, характеризующими особенности развёртывающегося исторического процесса. Сущность процессов, наполняющих переходный период, связана с противоборством различных вариантов дальнейших изменений, а не только отрицанием прошлых стратегий и рождением грядущих. На этой фазе трансформаций общества интенсивно распространяются зоны гибридных взаимодействий, размывая однозначность организационных правил и усиливая тенденции децентрализации хозяйственного управления, фрагментации огромных структур, повышения гибкости распределения деятельности и стратегического партнёрства, а значит, обостряя противоречия. В рамках переходного периода определяется соотношение сил в структурировании общественных противоречий, то, в чьих интересах и кем будут осуществляться перемены. Смена эпохи предполагает новую модель в трактовке прошлого, настоящего и будущего. Конкурируют факторы объективные и субъективные, закономерные и случайные, уникально невозвратимые и циклично повторяемые. Соответственно, борьба и смена элит – важнейшая черта переходности. Как известно, политико-экономический эйджизм свойственен смене эпох: у старых клеток нет бессмысленной энергии уничтожения / самоуничтожения – в отличие от энергичных новообразований. Опухоли гуттаперчевых хунвейбинов удобны в устранении прежних элит со страниц истории и сломе прошлых порядков. Т.о. переходный период включает в себя противоборство (вплоть до антагонизма) претендентов на статус лидеров и выразителей новой эпохи, «создателей» нового Сверхпроекта развития общества [2-5].

Вместе с тем, нельзя точно оценивать происходящее в отрыве от исторического контекста политико-экономических процессов. Переходность нашего времени многослойна. Здесь и парадигмальные изменения с приоритетом интеллектуализации и гуманизации, и местные колебания, и преодоление наслоений бюрократической коросты. Пересекаются и взаиморезонируют крайне разнокачественные процессы [6-9]. Соответственно, имманентность постсовременности переходных свойств и черт и вынуждает исследователей обращаться к образам «чернового наброска» будущего, его «эскиза», тем паче – в стилистике постнедомодерна или же квази-постмодерна.

Итак, характеризовать решения и поступки следует с позиций особенностей исторического времени действия / бездействия политико-экономических сил; всякий «срок давности» сдвигает оценку поведения. Содержание переходного периода и определяется действиями совокупности влияющих на направленность, характер, этапы, последовательность и т.д. общественных изменений. С одной стороны, двойственность и непоследовательность решений субъектов трансформаций могут мстить за себя реакцией худших вариантов процессов. С другой, насильственное осуществление своего понимания

логики истории приводит к последующему длительному отторжению внедряемых моделей, а то и нарастанию иррационально-превращённых форм, когда за видимостью скрываются совершенные иные принципы и механизмы. При этом разрыв преемственности в развитии несёт в себе потенциал подрыва самого развития. Так, с одной стороны, новая эпоха создает условия для развёртывания свободы, разнообразия, диалога. С другой стороны, если определённые времена (прежде всего, переходного периода) возможности будут упущены, тем самым будут безвозвратно ограничены возможности последующего исторического развития. Выход же за границы прежнего «коридора свободы» может обернуться вовсе не прорывом к открывающимся перспективам развития, а возвращением к социальному каннибализму и дикости, что особенно опасно при технико-технологическом скачке.

В целом историческое соревнование выигрывали государства, опирались на традиции и находки, устойчивость и способность к поиску, широкое заимствование и культивирование специфических особенностей. Вместе с тем, безусловно, каждый этап социальной эволюции открывает (наряду с другими) и потенциально оптимальный сценарий, который часто отвергается при самой деятельном участии прогрессивных сил (жаждущих приписать исторический процесс). Избранный в результате скачкообразный путь становится дорогой потерь и разочарований или реализуется в виде объективно неизмеримо худшей модели того же эволюционного развития, или в качестве самой революционной ломки всего и вся оставляет за собой пожара и раздор. Тогда как «тихоходные» народы спокойно проживают в то же время очередные этапы трансформации, уходя далеко вперед и сохраняя ресурсные базы. Извечный подход: «закономерность исторического явления обратно пропорциональна его духовности» – обретает новое содержание в период глобальной трансформации, где перебегают, взаимно резонируют и ограничивают друг друга самые противоречивые тенденции и ни от одной из них нельзя абстрагироваться без ущерба для анализа. Разумеется, торможение назревших изменений таит потенциальную угрозу деградации общества, его производительных сил. Но верно и другое. «Победоносные», кровоеобильные и воинственные революции часто грешили с столь решительным расходом всех ресурсов и перенапряжением нации, что это именно за их стремительным продвижением следовал радикальный отход, а порою и резкое усиление тенденций дестабилизации (и дезинтеграции) общества. Внешне неэффективные (зато эффективные) «компромиссные» модели, напротив, обеспечивали плавную преемственность исторических процессов. Тем более ныне, когда качество «локомотивов истории» переходит от революций к процессам совершенного иного порядка: в эволюции возрастает давление факторов неэкономических, неидирективных, «тихих», а информационная конкуренция, в свою очередь, определяет результат диалога культурно-цивилизационных миров. Соответственно, при разнообразии путей социогенеза борьба за возрождение ценностно-смысловых комплексов своего культурно-цивилизационного мира прямо и непосредственно оказывается в числе высших приоритетов социума. Так же, как и ресурсы её воплощения: культура, идеология, наука. И, особенно, образование, сущность которого – не культуртрегерство или натаскивание обрывков знаний, а именно образование личности, её созидание (самосозидание).

Разрешение противоречий, которые возникают во время этих процессов, во многом зависит от состояния и характера трудовых отношений. Как известно, определяющим элементом производства и социальной жизни долгое время считался именно труд: он предоставлял ресурсы социально-экономическому росту, обуславливал качество жизни, формировал ценности и отводила конкретные ниши профессиональным и социальным группам. Вместе с тем, выход за привычные пределы модерна рядопологает труд, учёбу и игру в творческом поиске общества и существенно меняет механизмы последующего воссоздания и развития общественных отношений. Изучение же институциональных и ценностных принципов организации разных типов хозяйственных общностей, альтернативных подходов к оценке систем стимулирования позволяет преодолевать жёсткий производственный детерминизм, отказываться от анализа и оценки хозяйственных ситуаций и процессов исключительно с позиций безотлагательной пользы, переходить к исследованию трудового, производственного, хозяйственного и, наконец, общественных поведения и отношений с учётом историко-культурных, морально-психологических, религиозно-этических традиций, плюральных моделей персонального и группового выбора. Неправомерно, по нашему мнению, при этом возводить логику изменений в трудовых, хозяйственных и, шире, общественных отношениях исключительно к детерминации культуры технологическими инновациями. Важнейшее значение приобретает влияние именно культурной среды на появление, восприятие и распространение нововведений техники и экономики. Гуманизированные и интеллектоёмкие технологии постсовременности потому вовсе не являются социально нейтральными, уже на стадии проектирования в них закладывается сознательная ориентация на развитие и обогащение культуры.

Соответственно, чрезвычайно важно видеть в имеющихся противоположностях начало длинной и трудной трансформации как всего мира, так и собственно Украины – в контексте глубоких общемировых изменений. Их анализ очень усложнён через недостаток, фрагментарность и, часто, просто отсутствие надлежащего эмпирического материала, но он является чрезвычайно важным для выработки верных стратегических решений. Так, определение структурированием соотношения не только внутренних форм, но и внешних принимает вид стратегического дизайна общества, порой непосредственно сопряжённого с реформатированием общественного сознания. В переходный период как форсированно вырастают новые формы старых традиций, так и возникают и закрепляются новые традиции, меняя структуру и облик общества [10-14]. В этой ситуации является опасной недооценка трудностей и продолжительности трансформаций, в которые вступила Украина. Нужно осознание того, что перед страной стоит не задание обычной стабилизации, а проблема всеобъемлющих системных институциональных и социокультурных превращений, качество которых складывается в переходный период.

Если сущность переходного периода имманентна усилению предпосылок общественных антагонизмов, то задача социетального управления – именно подбор форм и механизмов его недопущения. Разнообразие условий и богатство прошлого должны помогать будущему, а не разрушать настоящее, стреножа развитие.

С этим связан диапазон нынешних особенностей и возможностей переходных форм. Во-первых,

исторически крайне редка ситуация перерастания чистых форм одной эпохи в чистые же формы другой. Во-вторых, характер самой постсовременности отрицает торжество чистых форм. Признание ограниченности возможностей рационализма и утилитаризма, обращение к хозяйственной культуре и традициям потребовали срочного изучения диапазона влияния превращённых форм как механизма принятия и внедрения управленческих решений. Когда знание принципиально несовершенно, а цели динамичны до полного истончения и исчезновения – практика востребует новые, синкретичные политики. Но дело не только в этом. На переломе, когда общество испытывается на прочность процессами трансформации, противостояние разных смыслов, тенденций, влечений имеет не только внешний, но и внутренний характер. На сломе эпох практически в каждом политико-экономическом явлении противостоят разнонаправленные стихии. Чтобы не допустить самоликвидации, раздора и вывести противоречия в творческую, созидательную, сочетающуюся плоскость, нужны технологии, базирующиеся на превращённых (преобразованных) формах. Превращённые формы – продукт превращения внутренних общественных отношений социально-экономической целостности, когда действительные социальные контакты вытесняются и замещаются иными элементами, слитыми со свойствами формы. Формирование и распространение превращённых форм как стимула процессов модернизации – функция характеристик самого труда, в частности – более глубоких, нежели зиждящиеся на частной собственности, процессов его отчуждения [15-18].

Социальный аспект отчуждения – различие в уровнях культуры и богатства, освоенных всем обществом и его отдельными социальными группами, профессиональными, национальными, партийно-идеологическими корпорациями. Личностный аспект – утрата самоидентичности: индивид перестаёт соответствовать собственным человеческим качествам. Такая трактовка отчуждения позволяет: во-первых, успешно использовать категорию для рассмотрения ряда комплексных негативных явлений, не отождествляя с родственными (овеществление, позитивное отчуждение, опредмечивание); во-вторых, предолеть допозитивистский, случайно-мистический взгляд на понятие сущности как принципиально скрытой и требующей испытания, выпытывания для проникновения в тайны; в-третьих, локализовать проблему отчуждения труда как частный случай несвободы, а именно такой, когда отчуждение оказывается исторически необходимой формой прогресса, фактором модернизации всего общественного строя.

Так, социально-экономическая форма более глубокой сущности может иметь и собственную сущность, развивающуюся по совершенно особым, специфическим закономерностям. Как следствие уже форма обретает отдельность, самостоятельность, цельность, оказываясь субстанцией иных отношений и свойств, иницируя собственные явления по своей логике. Происходит реальное извращение содержания; данность оказывается именно формой, на практике приходится оперировать ею. Превращённая форма – это именно отделённая от своей наиболее глубокой внутренней сущности-субстанции массой невидимых промежуточных звеньев, так что зачастую это наиболее глубокое основание диффузирует. Тем самым нарастает конфликт видимых форм действительных связей и их внутреннего соотношения. Исходное отношение в этом случае не может

осуществиться непосредственно из-за выпадения из актуально-наличной структуры связей либо своей ослабленности. Превращённые формы всегда имеют переходный аспект, но во времена переходности отклонения от социального стандарта – не свидетельство девиантного поведения, а нормальное проявление принципиальной многосекторности. И именно в переходных условиях превращённые формы обладают потенциалом ведущих регуляторов всей социально-экономической жизни общества. В том же направлении действует перезревшее состояние социальной ткани общества. Соответственно, промежуточные звенья-посредники мистифицируются и выступают единой целостностью. Объективным основанием тому – ситуация, когда некоторые характеристики предмета, порожденные его генезисом и посредствованиями, могут не быть существенными для ряда сторон его существования. По мере утраты человеческих качеств людьми: самооценности, уникальности, особенностей поведения индивида – они переходят на что-то связанное с человеком и выступающее превращённой формой его собственной социальности. Для классического индустриализма это мир вещей и вещной зависимости (знаменитый вывод о денежном фетишизме как средоточии товарного). Для административно-бюрократической системы управления это социальные функции, а мир людей оказывается миром людей-вещей, людей-функций.

В результате превращённые формы: комплексы кредитно-денежных, социально-психологических регуляторов, мультипликатор и акселератор есть одновременно путь проявления объективных закономерностей и «мягкое» регулирование их в человеческой жизнедеятельности [19-23]. Собственно, механизмы реализации принципа превращённых форм базируются на введении в межсистемное взаимодействие эталона, обеспечивающего сопоставление структур, их сведение к сверхструктурному единству, трансформация энергии их противоречия от взаиморазрушительной к развивающей. Тем самым снимается необходимость навязывать внешнюю волю, сохраняется своеобразие каждого из элементов в предоставленных пределах самореализации и условиях взаимодействия. Обобщение же целого ряда явлений хозяйственной жизни позволяет фиксировать закономерности динамики превращённых форм: от простых к сложным, от одиночных к комплексным, от узкоэкономических к социокультурным. Во время сращивания формы и содержания в ризомически растущем организме часто все иные варианты влияния исчезают, становятся малоэффективными или же слабопрогнозируемыми по далекодействующим результатам. Поэтому развёртывание принципа превращённых форм через разнообразие социохозяйственных автоматов, регуляторов и систем управления позволяет влиять на процессы формирования как желательной среды, так и кластеров перемен. В общественной сфере усиливаются два типа превращённых форм: 1) социально-производственный (тесно связанный с мировым опытом и кросс-культурными ценностями) и 2) этнокультурный (коррелирующий с традициями, социальным наследием, историческим опытом культурно-цивилизационного мира, его институциональной памятью). Превращённые формы в переходном периоде преобразований отражают утрату чистоты и отдельности друг от друга, всё чаще проявляясь слитно, комплексно, многоуровнево, тем самым обеспечивая сочетание в новых общественных Сверхпроектах возрождения традиционных для куль-

турно-цивилизационного мира ценностно-смысловых комплексов и универсальных норм, ориентируемых на мировые инновации. Опора на превращённые формы существенно разнообразит инструментарий и повышает эффективность управления. При формировании социально-экономического явления вне адекватной сущности или же при её рассасывании в процессах хозяйствования приходится фиксировать иррациональные общественные формы.

Выводы, сделанные в результате исследования и перспективы дальнейших научных разведок в данном направлении.

Сущность переходного периода связана с осуществлением процессов перехода. Содержание переходного периода реализуется как конфликт представлений о будущем, возможных путей преобразования общества. Так, в рамках переходного периода реализуется противоборство не только прошлого с будущим, но и моделей и вариантов самого дальнейшего развития. Переходные формы при этом фиксируют ослабление чистых, ярко выраженных образований.

В этих условиях, с одной стороны, эффективность социального управления определяется умением интегрировать разнокачественные социально-экономические отношения, уклады и тенденции социума, решая не только тактические задачи собственно переходного периода, но и предопределяя стратегию последующих преобразований в складывающихся долговременных трендах.

С другой стороны, стратегическая культура организационно-управленческих отношений включает не только понимание возможностей, рисков и ограниченный эффективный влияния на людей, отношения и процессы, но и его воплощение в совокупность тактических и оперативных решений. Вопрос о границах возможного и целесообразного управления при этом становится решающим: иной подход грозит обернуться чередой личных несчастий и общественных бедствий.

Широкая историческая перспектива открывается при оплодотворении самобытной мысли инновациями (в том числе внешними) прогресса при формировании организационно-управленческой среды социальной заботы и ответственности.

При учёте же лишь наиболее очевидных связей и механизмов (например, монетарных) упускается виду широкий спектр реакций общества как социально-политической и социокультурной целостности.

Между тем, вырванный из комфортной среды, терпящий материальные бедствия и лишённый внешней опоры человек без надёжного нравственного стержня в состоянии поверить во что угодно. В условиях институциональной неопределённости, на сломе привычных идеологий усиливаются предпосылки манипулирования происходящим со слабопредсказуемыми последствиями.

Но, когда миф быстрого и безболезненного перехода к лучшему будущему (в том числе, например, за счет банального присоединения к евросоюзу) развеялся, возникла тяга к упрощённому объяснению сложных процессов, предрасположенность к силовым решениям, выросло отчуждение людей от политики, власти и труда.

В этих условиях глубина стратегического мышления, баланс стратегии, тактики и оперативности (оперативного искусства проведения преобразований) и учёт самобытности превращённо-иррациональных форм часто предопределяют уровень решения более комплексных проблем, заданий и нуждаются в новом качестве механизмов управления для обеспечения пика достижений после пиковых нагрузок.

Соответственно, механизм превращённых форм – не только направление объективации субъективных усилий, но и направление организационно-управленческого воздействия на субъекта политико-экономической практики, особенно – в переходный период, позволяя выводить на поверхность хозяйственных отношений потенциально разрушительные противоречия.

Таким образом, логичное развитие научных исследований в этом направлении предполагает акцент на наиболее плодотворных в нынешних обстоятельствах направлениях организационно-управленческого влияния на происходящее для оптимизации осуществления желательных изменений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья / Т.Н. Грановский. – М. : Наука, 1986. – 427 с.
2. Кун Т. С. Структура научных революций / Томас Самюэль Кун. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
3. Шедяков В.Е. Субъектность общественных трансформаций и формирование их вектора и результатов / В.Е. Шедяков // Актуальные проблемы философии та соціології. – 2016. – Вип. 12. – С. 148-152.
4. Шедяков В.Е. Субъекты новой модернизации / В.Е. Шедяков [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://ua-ekonomist.com/6097-subyekti-novoyi-modernizatsiyi.html>.
5. Шедяков В.Е. Человеческий фактор трансформаций и трансформации человеческого фактора // Трансформационные процессы национальной экономики: проблемы и перспективы развития: сб. науч. ст. – Днепрпетровск, 2014. – Ч. 2. – С. 204-214.
6. Kurth J. Toward the Postmodern World / J. Kurth // Dialogue. – 1993. – № 2. – Р. 8-13.
7. Шедяков В.Е. Парадигмальный переход в теории и на практике: стратегический дизайн форсированных трансформаций / В.Е. Шедяков // Науковий вісник Херсонського державного ун-ту. – Сер. Економічні науки. – 2017. – Вип. 23. – Частина 1. – С. 54-58.
8. Шедяков В.Е. Формування нового проекту розвитку суспільства та збереження ідентичності народу, його базових цінностей / В.Е. Шедяков // Політологічний вісник. – Зб-к наук. праць: На замовлення Політологічного центру при КНУ ім. Тараса Шевченка, 2011. – Вип. 54. – С. 221-231.
9. Шедяков В.Е. Постмодернізація трудових відносин як об'єкт соціального управління / В.Е. Шедяков: Автореф. дис. ... доктора соціол. наук. – Харків, 1996. – 32 с.
10. Лефевр В.А. Рефлексия / В.А. Лефевр. – М. : Когито-Центр, 2003. – 496 с.
11. Лепа Р.Н. Рефлексия принятия решений в экономике / Р.Н. Лепа // Вестник УрФУ. Сер. Экономика и управление. – 2014. – № 3. – С. 4-12.
12. Шедяков В.Е. Значення ритмів, хвиль та циклів оновлення та розвитку культурно-цивілізаційних світів у реалізації процесів соціогенезу / В.Е. Шедяков // Нова парадигма. – 2014. – № 124. – С. 53-70.
13. Шедяков В.Е. Співвідношення чинників соціогенезу / В.Е. Шедяков // Гілея. – 2014. – Вип. 88 (№ 9). – С. 116-124.
14. Шедяков В.Е. Взаимосвязь фундаментального и актуального уровней в осуществлении устойчивого социально-экономического развития / В.Е. Шедяков // Розвиток економіки України: трансформації та інновації : / заг. ред. О.Л. Гальцової : у 2 т. – Запоріжжя : Гельветика, 2017. – Т. 2. – С. 34-48.
15. Бузгалин А.В. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты) / А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. – М. : Культурная революция, 2009. – 680 с.
16. Платонов С. После коммунизма: Кн., не предназнач. для печати. – 2-е изд.; Второе пришествие: Беседы / С. Платонов. – М. : Мол. гвардия, 1991. – 557 с.
17. Режабек Е.Я. В поисках рациональности / Е.Я. Режабек. – М. : Академический Проект, 2007. – 383.
18. Ермоленко А.Н. Превращённые формы социальной рациональности / А.Н. Ермоленко, К.Ю. Райда. – К. : Наук. думка, 1987. – 163 с.
19. Лангштейн М.С. Экономические автоматы / М.С. Лангштейн. – К. : Наук. думка, 1991. – 176 с.
20. Шедяков В.Е. Превращённые формы регионального управления / В.Е. Шедяков // Регион: проблемы и перспективы. – 1997. – № 4. – С. 67-74.
21. Шедяков В. Принцип превращённых форм в управлении соци-оэкономической модернизацией / В. Шедяков // Харьковские социологические чтения – 95. – Ч. 2. – Х., 1995. – С. 39-42.
22. Шедяков В.Е. Иррациональные социально-экономические формы: содержание в периоды межвременья / В.Е. Шедяков // Образование на Западном Урале: история, современность, перспектива развития: Тез. Всерос научно-практ. конф. – Березники, 1993. – С. 167-168.
23. Шедяков В.Е. Регионально-отраслевая конкуренция и ложная социальная стоимость / В.Е. Шедяков // Бизнес Информ. – 1992. – № 29. – С. 9-10.